

УДК 811.161.1

Л.Н. Дони́на

канд. филол. наук
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия;
Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И «ЛЕТОПИСЕЦ ЕЛЛИНСКИЙ И РИМСКИЙ»

О КОНЦЕПТЕ «ПРАВОСЛАВИЕ»

L.N. Donina

Candidate of Philology
Saint Petersburg State University, St.Petersburg, Russia;
Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, St.Petersburg, Russia

HISTORICAL DICTIONARIES AND “HELLENIC AND ROMAN CHRONICLER”

ABOUT THE CONCEPT OF “ORTHODOXY”

Аннотация. В статье реконструируется ранний этап ментализации концепта «православие» в русском языке. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского приведены примеры употребления слова главным образом в текстах XV в., к этому же веку относят и вторую редакцию «Летописца Еллинского и Римского». Исторические данные сопоставлены с представлением концепта в «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова и в трудах С. Булгакова. (Библиогр. 10 назв.)

Ключевые слова: концепт «православие», И.И. Срезневский, «Летописец Еллинский и Римский», древнерусский язык, XV век

Abstract. In this article we discuss early stage of mentalization of the concept of “Orthodoxy” in the Russian language. In the “Materials for the dictionary of the Old Russian language” by I.I. Sreznevsky, examples of the use of the word mainly in texts of the XV century are given, the second edition of the “Hellenic and Roman Chronicler” is also attributed to the same century. Historical data are compared with the representation of the concept in the “Dictionary of Russian Mentality” by V.V. Kolesov and in the works of S. Bulgakov. (10 position in References)

Keywords: Concept of “orthodoxy”, I.I. Sreznevsky, “Hellenic and Roman chronicler”, Old Russian, 15th century

Концепт «православие» глубоко и разносторонне изучен богословием, русской религиозной философией, а позже и др. науками. В когнитивной лингвистике концепт представлен следующим образом: «Православие — исповедание христианской веры,

сложившееся в Византии (*греческая вера*) и официально принятое в России как *правильное* после 988 г. (*православная вера*).

Включает в себя учение (*слово*) о Боге, человеке и церкви, а также особую систему обрядов поклонения Богу (*славить*); противопоставлено господствующим на Западе *инославным* католицизму (*всеобщая вера*) и новому протестантизму (*провозглашающая вера*)» [8].

Эти исследования имеют дело с развитым национальным концептом («зрелым словом», по терминологии Флоренского), нас же интересует процесс его ментализации (до XV в.), последовательность признания и принятия тех или иных заимствованных признаков. Следующий этап — накопление собственных признаков различения (идеация) — завершился в середине XVII в. с реформами Никона и распадом на староверие и нововерие.

Ранний этап ментализации концепта отражён в древнерусских памятниках, в частности, в «Летописце Еллинском и Римском», и зафиксирован в исторических словарях. Наиболее подробную информацию содержат «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского [9] и «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [7], которые выделяют у слова три значения: ‘благочестие, следование догматам православия’; ‘православная вера, греколатинское вероисповедание’; ‘православная община, православные’, расходясь лишь в последовательности приведения этих значений.

Хронограф «Летописец Еллинский и Римский» [5] (редакция и списки XV в.) представляет собой авторитетный компилятивный текст, освещающий всемирную историю, и светскую, и церковную. Текст можно назвать «энциклопедией» [4], в частности, «религиозной энциклопедией», он содержит богословские комментарии, споры с *еретиками-ересниками*, описание убранства храмов, празднеств (*опресночная*), небесных сил (*херувим*) и т.д. Приводятся обзорные статьи по церковным вопросам: история всех Соборов, *иконоборство*, очерк римских пап, отношения государства и церкви, обычаи *латин*. В памятник включены высказывания об усопших и о загробной жизни Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Св. Афанасия, Мартирия (Мартурия), Максима Исповедника, Св. Григория и др. Поэтому в «Летописце» широко представлена религиозная лексика разного происхождения (грецизмы, старославянизмы), соответствующие устойчивые выражения (*анафеме предати, в тонць снѣ*). Абстрактные существительные среднего рода с суффиксами *-(e)ниј, -иј* типа склонения на *jǫ (к которым принадлежит и сущ. *православие*), буквально переполняют этот текст, их здесь около тысячи.

Слово *православие* представлено «неожиданно скромно» в этом тексте: употреблено 5 раз в ряду с существительными *правовѣрие* (3 употребления) и *правоверствие* (1 раз), которым в греческих источниках также соответствует *орѡδοѡѡѡ*.

Например, *правоверствие* выступает как синоним христианства в противопоставлении еллинам: *Федосии убиеном христианоу блажи, яко правовѣрствѡ ради убиеном, еллинѡ же изгнати повелѣ или на христьянство прѣложитися* [5, с. 328].

Православие встречается в пяти фрагментах ближе к концу памятника, попадает в текст из нескольких (неосновных) источников, которыми расширена именно вторая редакция «Летописца» его составителем, как доказал О.В. Творогов [6]. Все фрагменты связаны с отношением к *иконам*, во всех, кроме отрывка из русских летописей, упомянут император Феофил (царствовавший в 829–842 гг.), имя которого метонимически сближается с иконоборством. Т.о., если говорить о существенных смысловых компонентах, которые вкладывались в этот символ, можно установить прежде всего то, что православие почитает святые иконы (и само *святое*, это единственное его определение в памятнике).

Слово *православие* первый раз упомянуто в составе так называемой пространной редакции сказания об императоре Феофиле, которая именуется «Слово събрание еже есть православная вера въ 1 недѣлю святаго поста. О Феофиле царе, како по смерти прощен бысть от муки»: *В тѣи же убо день в 1-ю недѣлю святаго поста православие, сирѣчь вѣстелесие святых и честных иконѡ церкви праздновати приат, бывшая от Михаила и Феодоры, святых и блаженых царица, и святаго Мефодиа, патриарха Костянтина-града* [5, с. 448].

Сказание о Феофиле приведено в «Летописце» очень необычно для этого памятника (и вообще нетипично!) — 2 раза подряд. То есть сначала читается так называемая краткая редакция сказания, а затем, по завершении рассказа о царствовании сына Феофила, Михаила, слудует пространный редакция (выделение в памятнике двух редакций сказания и их названия принадлежат А. Попову). Оба текста добавлены составителем «Летописца»: в тексте «Хроники Георгия Амартола», по которой излагаются эти царствования и события, сказания нет. Объяснения этой «странности» возможны разные.

О.В. Творогов указал, что «краткое есть сокращенная переделка пространный. Из этого уже следует, что оба они не могли принадлежать одному автору; вероятнее всего, переписав краткий вариант сказания, составитель ЕЛ-2 наткнулся на Пространную редакция, но, не исключив первого, переписал затем и второе» [6, с. 171].

«Наткнулся» или «сознательно разыскал», но что-то в этой истории вызвало особый интерес русского книжника, заставило узнать подробности. Ранее уже были изложены постановления всех Соборов, помещена и отдельная статья об иконоборстве. В Пространной редакции Сказания тоже повторена история иконоборчества, рассказано о 12 годах царствования Феофила, «*еже на святыя иконы неистовство велие положи*». Но составителя, может быть, привлекла занимательность самого сюжета: император-иконоборец перед смертью страдал от страшной, судя по описанию, болезни и вид имел ужасный. Его жена Феодора, тайная иконопочитательница, горячо молилась, а затем увидела сон о посмертных муках мужа, которого ждёт наказание за неистовство иконоборства (сон подробно изложен). Молилась и после его смерти, пока не убедилась, что Феофил помилован Богом. Феодора, в правление и при участии которой совершилось торжество православия над иконоборчеством, изображена на множестве икон.

Что же особенного есть в этой истории, в начальных строках которой впервые в «Летописце Еллинском и Римском» употреблено слово *православие*? Есть

- 1) иконы;
- 2) сила молитвы, молитва за умершего, общая молитва;
- 3) мистика, чудеса, сны;
- 4) надежда не только на справедливость Божию, но на милость;
- 5) наконец, составитель второй редакции хронографа заботится о том, чтобы

читателю были интересны его исторические рассказы. А эта история могла быть близкой и привлекательной для читателя тем, что она не только об иконопочитании, но и о любви: Феофила к жене и сыну, Феодоры к Богу и к мужу, Бога к падшему человечеству...

Какие из этих черт важны для понимания пути ментализации концепта «православие»? По совету В.В. Колесова для выявления коренных признаков русского православия были привлечены к сравнению мысли протоиерея Сергия Булгакова, и оказалось, что главы его сочинения о православии [2] четко «наложились» на компоненты семантики слова, отражённые в рассказе хронографа:

1) **иконы**. В «Летописце Еллинском и Римском» иконы — основа всего повествования. Феодора приложила икону к разверстому рту умирающего супруга (который, кстати, видел тот же сон, что и она), и он не только смог сомкнуть челюсти, но и взгляд его приобрёл осознанность. Известен вариант жизнеописания, в котором он приложился к иконке, спрятанной под одеждой одного из присутствующих. Историки описывают другую версию: опасаясь, что его трехлетнего сына Михаила и Феодору сместит с царствования один из популярных военачальников, он приказал убить его и умер, когда ему принесли голову врага, зажав ее в руке, но в «Летописце» он умер покаявшись. После смерти мужа Феодора назначила на все должности сторонников почитания икон, в том числе провозгласила патриархом Мефодия, вернула и освободила всех изгнанных, а иконоборцы были наказаны, все её действия относительно икон описаны с деталями и подробностями. Иконы были возвращены в храмы, и «*Вси же радостью великою взрадовашася*».

У С. Булгакова о значении иконы в православии: «Вообще, икона является особым видом церковного предания, в красках и образах, наряду с устным, письменным, монументальным». Для русского составителя хронографа это было совершенно понятно, иконописное искусство достигло высшего развития к XV веку в Москве и Новгороде — предполагаемом месте составления второй редакции «Летописца Еллинского и Римского». Грецизм *икона* употреблен в хронографе 86 раз, из них 55 раз в форме множественного числа, 23 раза при этом слово сопровождается определением *святые* и еще 10 раз *честные*, или сразу двумя этими эпитетами, которые можно назвать устойчивыми. Фактически с помощью пояснительного союза *сирѣчь* православие толкуется через изображение «святых и честных иконъ»: *православие, сирѣчь въстелесие святых и честных иконъ* [5, с. 448], ср. также из Повести о латынех с союзом *и*: *створитися православию и поклонению святых и честных икон* [5, с. 458].

2) **МОЛИТВА**. Всеобщая великая радость о возвращении икон не облегчила страданий Феодоры, вдова продолжала горевать о Феофиле, обречённом на муку вместе с прочими еретиками. Значительная часть сказания посвящена тому, как Феодора горячо и непрерывно молилась, объединившись с другими женщинами (соборность), и смогла уговорить патриарха Мефодия совершать всеобщие церковные молитвы о спасении его души.

А вот что утверждает протоиерей Сергей Булгаков: «Однако над всем преобладает одно дело, один труд — молитва». И конкретно о молитве в обстоятельствах, в которых оказалась Феодора: «В православии огромное место занимает молитва за усопших, как совершаемая в связи с евхаристической жертвой, так и помимо ее, в связи с верой в действенность этой молитвы. Последняя может облегчать состояние грешных душ и освобождать их из места томления, изводить из ада. Конечно, это действие молитвы предполагает не только предстательство пред Творцом о прощении, но и прямое воздействие на самую душу, в которой пробуждаются силы для усвоения прощения». Это высказывание напрямую соотносится с третьим признаком православия в хронографе.

3) **МИСТИКА**. О мистической основе православия С. Булгаков пишет много: «Небесных видений исполнена вся жизнь Православия, и это в нем есть самое существенное, чего, однако, не видят “спутники”, которые поэтому знают его не в существе, а только в покровах, кажущихся им “окаменевшими” или мумифицированными. ... Жизнь в православии связана с видением миров иных, и без него она просто не существует».

В Слове «О Феофиле царе, како по смерти прощен бысть от муки», мотивы чуда, видений, тонкого сна, общения с Богом через ангелов (и другими способами) наполняют повествование особым мистическим религиозным колоритом. В пятницу первой недели Великого поста Феодора увидела сон о прощении, патриарху Мефодию тоже дано было от ангела указание не докучать больше Богу молитвами, потому что Феофил получил милость. Многие таким же образом были извещены о прощении покойного императора. А имя Феофила исчезло из составленного Феодорой и спрятанного в храме списка еретиков, преданных анафеме. Сверхъестественные духовные явления представлены как реальность. После сообщения чуда о Феофиле следует красочно описанное торжественное богослужение «на утверждение правотѣриа съ иконами», чтобы «*еретиков прокляти*», «*правоверныя прАславити*». Этот праздник и сейчас называется «торжество православия», «неделя православия». Но слово *православие* в Сказании больше не употребляется.

4) и 5) **СПРАВЕДЛИВОСТЬ, МИЛОСТЬ И ЛЮБОВЬ**. Заканчивается Сказание переписанным из краткой редакции, очевидно, понравившимся составителю русского хронографа обращением к читателям: «*Почудимся же, братие, челоуѣколюбию Господа Бога нашего: толь сквернена челоуѣка и по смерти помиловал*», а затем говорится о женах, способных и по смерти мужа спасти... Как следует из размышлений С. Булгакова, это и есть «центр» православия: «Не умаляя справедливости и правды Божией, которая должна иметь удовлетворение, православие ставит в центре учения о спасении любовь Божию, не пощадившую Сына Божия ради спасения мира чрез его обожение». Об этой же черте православия говорит его близкий

друг Н. Бердяев: «Православная мысль никогда не была подавлена идеей божественной справедливости и она никогда не забывала идеи божественной любви» [1, с. 10].

Как сейчас установлено, эти два Сказания об императоре Феофиле восходят к разным источникам. Пространная редакция в «Летописце Еллинском и Римском» второй редакции взята «из триодного Синаксаря, составленного Никифором Каллистом Ксанфопулом. Славянский перевод этой редакции греческой Триоди был сделан на Афоне в первой половине XIV в. В приписке к рукописи Синайск. № 23 сохранилось даже имя переводчика — Закхей Философ» [10, с. 165–171].

Однако в «Летописце» в этом втором пространным сказании имеются фрагменты текста, которых нет в Триоди. Откуда они? Скорее всего, составитель хронографа сделал то же, что он делал много раз и умел делать хорошо — компиляцию: обнаружив, что в первом коротком сказании есть информация, отсутствующая в пространным, он сохранил краткий вариант, а затем восполнил фрагментами из него более подробный текст. Е.Г. Водолазкин предполагает, что «...не Краткая редакция возникла путем сокращения Пространной, а Пространная редакция возникла путем присоединения к тексту Никифора чтений редакции Краткой. ... Помимо Летописца Еллинского и Римского, Краткая редакция представлена в Полной Хронографической Палее (там она соединена с Пространной), а также в составе «Слова святого Кирила в 1-ю неделю, поучение на сборь» [3, с. 408].

Не обозначив, по сути, содержания понятия «православие», хронограф в этом фрагменте всё-таки даёт о нем представление, хотя и образное. Здесь заметна неполнота представления о православии, но не отступление от него, не не-истина.

Следующие 3 употребления существительного *православие* восходят в «Летописце» к полемическим сочинениям против латинян. «Повесть къратцѣ полезна о латынѣх...» в хронографе вставлена в повествование «Хроники Георгия Амартола». «Особенно широко антилатинские сочинения распространяются с конца 14 в., объединяясь в рукописной традиции в целые сборники. В таких сборниках мы находим и сочинения, включённые в состав ЕЛ-2» [6, с. 184]. Показательно, что опять слово *православие* содержится в отрывках о Феофиле и о победе над иконоборством:

Поим же Михаилъ протосиггелъ ученикы своя Феофана и Феодора самобратна, и изволи наити на Костянтинъ-град, и Феофилу царю стати на лицѣ и запрѣтити о иконоборьстве и православию поучити, яко да православныя люди укрѣпят уклонившихся на иконоборьстве, елико възможно им привести их на пръвое благовѣрие и поклоняние святых иконъ наставити [5, с. 457] (в некоторых списках Чудовского вида нет фразы православию поучити); По смерти Феофила царя иконоборца при благочестивши царици Феодорѣ, яже православие святое церкви святой Божии и святымъ иконам створи съ сыномъ своим Михаилом царемъ [5, с. 461]; И приведоша его, якоже инья прочая, иже бяху заточени в темницах о иконоборьствѣ от царя Феофила, якоже убо свѣща сия блаженная Феодора съ сыномъ своим с Михаилом царемъ и съ вѣтми благочестивыми и съ святыми архиерѣи и старци створитися православию и поклонению святых и честных икон, еже и бысть [5, с. 457–458].

Пятый фрагмент, в котором встречается сущ. *православие*, показывает столь же бесхитростное его употребление в русских летописях (Софийской 1, Новгородской 4). Этим отрывком «О иконе Богородицы» последняя дошедшая до нас страница «Летописца Еллинского и Римского» символически завершается, дальше до дефекта листа написаны только 2 предложения текста «О ризѣ Богородицы въ Влахернѣ» из той же летописи, а также список царей. *И держаша иконоборци 60 лѣтъ Царьград, и потом бысть православие, и възскаша иконы святыя Богородица [5, с. 510].* Здесь речь идёт о первом периоде иконоборства, до Феофила, поэтому он не упомянут, но «связка» *иконоборцы — православие* — икона сохраняется и, значит, не является случайной: признаки православия — оно не поддаётся ересям, хранит не только догматы, но и предание, чтит иконы как символ устойчивого идеала святого и святости. Это важно для понимания православия, на этом же настаивает и Н. Бердяев: «Православная Церковь есть прежде всего Церковь предания в

отличие от Церкви Католической, которая есть Церковь авторитета, и церквей протестантских, которые суть церкви личной веры. ... Она оставалась наиболее связанной с перво-христианством из всех форм христианства. Сила внутреннего предания в Церкви есть сила духовного опыта и преемственности духовного пути, сила сверхличной духовной жизни, в которой всякое поколение выходит из сознания самодовольства и замкнутости и приобщается к духовной жизни всех предыдущих поколений вплоть до Апостолов» [1, с. 4].

Таким образом, к XIV–XV вв., как показывает хронограф, концепт «православие» не получил каких-то признаков, выработанных собственно русской культурой и отличающих сейчас русское православие от других христианских учений, но хронограф позволяет угадать признаки, которые осваивались народным сознанием из переводной литературы. Ярче всего в «Летописце Еллинском и Римском» отражён признак «поклонение иконам»; если доверять хронографу, этот признак можно назвать древнейшим.

По-видимому, интеллектуальные усилия в период, предшествующий созданию памятника, направлены на выявление объёма понятия. Содержательные признаки, возможно, накапливаются в рамках опережающего по скорости ментализации концепта *въра* (204 употребления; *правыя, истинныя* и еще около 40 определений — признаков разных типов *въры крестьянстѣи, христианстѣи, православнѣи, простославнѣи, правовѣрнѣи*...). Сочетание *православная въра* образует образное понятие, замещающее *православие*. Кроме того, прил. *православный* способно занимать позицию неразработанного содержания понятия, в качестве объёма которого выступают названия людей: *православныя люди, православных архиерѣи, встѣмъ православнымъ крестьяномъ, Феодора простославная*. Объём понятия расширяется: *христьянство* и *крестьянство* (заменяют друг друга по спискам по 2 раза), *крестьяне* (78 раз) и *христиане* (77 раз) (также заменяют друг друга в близких контекстах и по спискам).

Наконец, следующий этап наполнения объёма понятия «православие»: формы *православный* и *православен* представлены как субстантивированные: *И бысть радость велика православнымъ о иконѣ святыя Богородица, сеи же иконѣ служитъ племя Лукино и до сего дни* [5, с. 511]. Таких употреблений без сущ. более 30, главным образом в статье «Царие, царствующие в Константине-граде, православнии же и еретици» [5, с. 510], где указано количество лет правления, иногда родственные связи, главное же — вероисповедание, и противопоставление происходит уже латинянам-католикам.

Важнейшие семантические процессы произойдут, видимо, после периода создания памятника, уже без старославянского и греческого влияния, что и определит своеобразие русского *православия* по сравнению с греч. *орѣодоѣѣа*. В хронографе отражено предшествующее этому соотношению символа *православие* с реальным миром живущих и действующих людей — *православных*.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истина Православия // Вестник русского западноевропейского патриаршего экзархата. Париж, 1952. № 11. С. 4–11.
2. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 471 с.
3. Водолазкин Е.Г. О «стужающих Божеству» // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 406–409.
4. Донина Л.Н. «Летописец Еллинский и Римский» — русская историческая энциклопедия XV века // Философский век. Альманах. Вып. 27. Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. С. 96–101.
5. Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст / Осн. список подгот. О.В. Твороговым и С.А. Давыдовой. СПб.: Дм. Буланин, 1999. 513 с.
6. Летописец Еллинский и Римский. Т. 2. Комментарий и исследование О.В. Творогова. СПб.: Дм. Буланин, 2001. 271 с.

7. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1992. Вып. 18.
8. Словарь русской ментальности: в 2 т. / В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 2. С. 89–90.
9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Ст. 1350–1351.
10. Тамаркина И.В. Источники «Сказания о посмертном прощении императора Феофила» в древнерусских хронографических сводах // Афиногенов Д.Е. Повесть о прощении императора Феофила и Торжество Православия. М., 2004. Приложение IV. С. 165–171.